

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Лакки Старр

Айзек АЗИМОВ

**Лакки Старр и большое
солнце Меркурия**

1956

Азимов А.

Лакки Старр и большое солнце Меркурия / А. Азимов —
1956 — (Лакки Старр)

Старра и его товарища Бигмана Айзек Азимов в своем романе «Лаки Старр и большое солнце Меркурия» посылает с заданием на Меркурий с целью выявления причин саботажа.

Содержание

1. Духи Солнца	5
2. Сумасшедший или нет?	10
3. Смерть поджидает в комнате	15
4. За банкетным столом	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Айзек Азимов

Лакки Старр и большое солнце Меркурия

1. Духи Солнца

Лакки Старр со своим маленьким другом Джоном Бигменом Джонсом, а также молодой инженер, шедший впереди, поднимались к воздушному шлюзу, служившему выходом на поверхность Меркурия.

Да-а... Скучать не приходится, подумал Лакки.

Он прилетел на Меркурий всего лишь час назад и нигде, кроме ангара, побывать не успел. Бумажные формальности и осмотр его «Метеора», произведенный местными техниками, – вот, собственно, и все пока впечатления. Да, еще этот Майндс, Скотт Майндс, инженер, ответственный за Световой Проект. Он явно поджидал Лакки и сразу предложил прогуляться по поверхности Меркурия – «в целях ознакомления с достопримечательностями», как было добавлено.

Лакки, конечно же, умилился такому объяснению. Он внимательно рассматривал лицо инженера, маленький, будто срезанный, подбородок, нервно дергающийся рот и глаза, тревожно бегающие, глаза, которые неизменно ускользали от прямого взгляда. Во всем этом присутствовала несомненная тревога, обеспокоенность, во всяком случае.

Ну что ж, достопримечательности так достопримечательности... Может быть, прогулка с этим Майндсом прояснит хоть что-то в здешних проблемах, так озаботивших Совет Науки...

Что до Бигмена Джонса, то он готов был следовать за Лакки куда, когда и для чего угодно. Правда, едва они начали облачаться в скафандры, брови его удивленно взметнулись: скафандр Майндса был украшен кобурой, из которой торчал приклад крупнокалиберного бластера. Лакки, перехватив вопросительный взгляд, кивком успокоил друга.

Когда инженер, а вслед за ним Лакки и замыкающий шествие Бигмен очутились на поверхности, то в этой внезапной, почти крошечной тьме они, на какое-то время потеряв друг друга из виду, видели только яркие звезды, равнодушно глядящие сквозь ледяной вакуум.

Первым ожил Бигмен. Здешняя гравитация почти не отличалась от родной марсианской. И чернота ночей с такими же немигающими звездами вдалеке – была для него привычной.

– О! Да я, кажется, кое-что начинаю различать! – бодрым дискантом известил он своих спутников.

Лакки, который тоже успел освоиться в темноте, думал тем временем о странном свете – не свете даже, а легкой дымке, мерцающей над как попало раскиданными бледно-молочными скалами. Нечто подобное ему приходилось видеть на Луне, с ее двухнедельной ночью. Тот же безысходно-унылый пейзаж, те же голые и невообразимо холодные скалы, не знающие ни ветра, ни инея, та же молочность. Но Луна-то освещается Землей, чье сияние в 16 раз ярче полнолунного света, – того самого, на который так славно воетса собакам. Здесь же попросту нет ни одной близкой планеты...

– Этот свет – звездный? – Лакки начисто отметал такую возможность, но все же спросил.

– Нет, сэр. Обычное свечение короны Солнца. – В голосе чувствовалась усталость человека, вынужденного без конца разъяснять очевидное.

– Ах да! – Лакки усмехнулся и хлопнул себя по лбу. – Ну разумеется, корона! Как же я сразу не догадался!

– Не догадался? – переспросил Бигмен, не очень-то понимающий, о чем идет речь. – Продолжайте же, Майндс!

– А вы бы лучше обернулись. И посмотрели на то, что у вас за спиной.

Оглянувшись, Лакки тихо присвистнул, а Бигмен и вовсе вскрикнул. Только бывалый Майндс стоял тихо.

Изломанная линия горизонта казалась процарапанной по краю жемчужного неба. Каждая деталь рельефа отчетливо видна. А на высоте примерно одной трети расстояния до зенита небо мягко светилось огромными изогнутыми лентами.

– Вот так, мистер Джонс, выглядит корона, – сказал Майндс.

Даже глубочайшее изумление, которое овладело Бигменом, не смогло подавить сложного комплекса чувств, связанных с представлениями о приличиях.

– Зовите меня, пожалуйста, Бигменом! – сердито бросил он и лишь затем воскликнул: – Солнечная корона, да? Ого! Ничего себе! Не предполагал я, что эта штука окажется такой здоровенной!

– Миллион миль в диаметре, даже чуть больше. И учтите, что мы в данный момент находимся на Меркурии, ближайшей к Солнцу планете, всего в 30 миллионах миль от светила. Вы, кажется, с Марса, если не ошибаюсь?

– Да, я родился и вырос там, – последовал полный и гордый ответ.

– Так вот, если бы вы сейчас посмотрели на Солнце, оно оказалось бы в 36 раз больше и ярче, чем то, которое освещало ваше детство. Настолько же, естественно, ярче и крупнее выглядит отсюда корона.

Лакки кивнул и подумал о том, что применительно к Земле 36 меняется на 9, а корону оттуда увидишь только при полном затмении...

Ну что ж, Майндс, кажется, не обманул их. Обещанные достопримечательности существовали на самом деле, и еще какие... Лакки мысленно заполнил корону спрятавшимся за горизонтом Солнцем, и от этого воображаемого зрелища перехватило дыхание.

Майндс между тем продолжал говорить:

– Они называют этот свет Белым Духом Солнца!

– Белый Дух? – удивился Лакки. – Звучит неплохо! Даже, я бы сказал, красиво!

– Красиво?! – взвился вдруг Майндс. – Не сказал бы! На этой планете только и знают, что болтать о духах! Веселенькое местечко, нечего сказать! Все наперекосяк! И шахты рушатся, и... – Туг его голос, не выдержав возмущения, прервался.

С чего это мы так раскипались? – подумал Лакки, после чего вслух спросил:

– Майндс, мы могли бы узреть сей феномен? Я имею в виду Белого Духа.

– Да, конечно, тут неподалеку... Особенно, если принять во внимание меркурианскую гравитацию. Кстати, советую вам глядеть под ноги. Тропинок тут нет, а свет короны весьма коварен. Так что давайте-ка лучше включим фонари. – Майндс нажал кнопку, и луч, брызнувший из шлема, осветил желто-черную мешанину грунта.

Зажглись еще два фонаря, и неуклюжие фигуры двинулись вперед. Толстые подошвы ботинок не производили ни малейшего шума, и только вибрация воздуха в скафандрах отмечала шаги.

Майндса продолжала душить все та же злость.

– Ненавижу! – хрипел он сквозь зубы. – Ненавижу Меркурий! Я торчу здесь шесть месяцев – целых два меркурианских года! – и мне все осточертело! Кто мог подумать, что за шесть месяцев не будет сделано ни-че-го! Ровным счетом. Ну просто все не так на этой планете! Она самая маленькая. Она ближе всех к Солнцу. Она обращена к нему только одной стороной. Там, – он указал рукой на сияние, – всегда жарко, там такое пекло, что плавится свинец и кипит сера! А в той стороне, – снова взмах рукой, уже в противоположном направлении, – единственная во всей Системе планетная поверхность, которую Солнце не освещает никогда и не греет, разумеется. Замечательно, что там говорить!

Он умолк, чтобы наверняка перепрыгнуть шестифутовой ширины трещину, след древнего катаклизма, который никак не мог затянуться без ветра и смены погоды. Прыжок полу-

чился неловким – типичный прыжок беспомощного землянина, на минуту оторванного от искусственной гравитации, имитирующей земную.

Бигмен не преминул презрительно цокнуть языком, прежде чем, как и Лакки, вместо суетливого прыжка, просто широко шагнуть.

Они продвинулись еще на четверть мили, пока Майндс, внезапно остановившись, не сообщил:

– Это можно увидеть отсюда и именно сейчас.

Он резко выбросил обе руки вперед, что помогло ему избежать падения на спину. Лакки с Бигменом после нескольких коротких подскоков, гасящих инерцию, остановились как вкопанные.

Майндс выключил фонарь и пальцем указал вперед, на небольшое белое пятнышко, которое было намного ярче всего солнечного света, посылаемого на Землю.

– Мы на вершине Черно-Белой горы, – продолжил инженер. – Наилучшее место для наблюдений.

– Черно-Белая – это название? – уточнил Бигмен.

– Да. Причем весьма точное. Как видите, терминатор делит ее на две почти равные части. Употребленный мною термин применяется для обозначения границы между светом и тенью.

– Знаем! – Бигмен вспыхнул, минуя, как всегда, промежуточные стадии. – Грамотные!

– Так вот... Их два, этих пятна. Еще одно, точно такое же, можно видеть над южным полюсом. У экватора граница света и тени то поднимается, то опускается на 700 миль, меняя направление движения каждые 44 дня. Здешняя полумия в сравнении с этим – сущий пустяк. Вот почему обсерватория размещена у северного полюса, а не где-то в другом месте... Однако вернемся к нашей горе. Нетрудно заметить, что сейчас освещена только верхняя ее часть. Позже, когда Солнце опустится еще ниже, тень затопит всю гору.

– Остается уже только вершина, – отметил Лакки.

– Да, пара футов, которые вот-вот погрузятся в темноту. А через двое земных суток свет возвратится вновь.

Пока Майндс живописал картины природы, белое пятно сжалось до точки, пылавшей яркой звездой. Все трое замерли в ожидании.

– А теперь ненадолго отвернитесь, – велел Майндс. – Пусть глаза привыкнут к темноте.

Прошло несколько томительных минут, и Лакки с Бигменом услышали: «Достаточно. Теперь посмотрите».

Выполнив и эту команду, они поначалу ничего перед собой не обнаружили. Но через мгновение возникло нечто кроваво-красное. Оно вскоре оформилось в довольно уродливую, скомканную гору, увенчанную кривулькой-пиком. Краснота стала густеть, густеть – и наконец была побеждена совершенным мраком.

– Что это?! – тихо прошептал Бигмен.

– Солнце всего лишь, – успокоил его Майндс. – Оно опустилось достаточно глубоко, и теперь над горизонтом – лишь корона с мощными, в тысячу миль и выше, столбами протуберанцев. Их ярко-красный свет обычно заглушается светом самого светила.

Лакки кивнул. С Земли с ее атмосферой, подумал он, протуберанцы увидишь только при полном солнечном затмении, да еще вдобавок при помощи разного рода хитроумных приборов.

– Они называют это Красным Духом Солнца... – к Майндсу вернулась его подавленность.

– Ох уж эти духи! – внезапно оживился Лакки. – Что Белый, что Красный! Вероятно, они-то и вынудили вас таскать с собою бластер? А, мистер Майндс?

– Что?! – Крик инженера был явно не из ласкающих слух. – О чем это вы, сэр? – добавил он крайне раздражительно.

– Да о том, знаете ли, что самое время выложить, для чего вам понадобилось вести нас сюда. Ведь не ради местных красот? А заодно объясните нам, с какой стати вы так нешуточно вооружились...

Майндс ответил не сразу – некоторое время собирался с мыслями.

– Вы ведь Дэвид Старр, не так ли? – прозвучал наконец вопрос.

– Да, – сдержанно отозвался Лакки.

– Вы входите в состав Совета Науки, и это именно вас, как человека необыкновенно везучего, прозвали Лакки?

– Угу. – Как и все члены Совета, Лакки избегал ненужных упоминаний о своем титуле, и поэтому слова Майндса пришлось ему не по душе.

– Понятно, понятно... – В голосе инженера появились нотки удовлетворенности. – Значит, я не ошибся и разговариваю со следователем – асом, который намерен заняться Световым Проектом, вернее, тем, что с ним происходит.

Осведомленность инженера отнюдь не привела Лакки в восторг. Его даже задело то, с какой легкостью его разоблачает первый встречный. Не мешало бы, подумал он, слегка осадить этого Майндса...

– Чем я тут займусь, не должно вас интересовать, сэр. Лучше ответьте на мой вопрос о целях нашей прогулки.

– Я привел вас сюда, чтобы сказать правду, прежде чем другие наврут вам с три короба! – на одном дыхании выпалил Майндс.

– Наврут? О чем?

– О неудачах, которые неотступно преследуют Световой Проект!

– Но ведь можно было рассказать мне обо всем там, внутри Купола! Зачем понадобилось идти сюда?

– Тому есть веские причины. – Дыхание Майндса становилось все более неровным. – Во-первых, они во всем винят меня, считая, что Проект мне, видите ли, не по зубам и деньги налогоплательщиков я направляю прямо коту под хвост. Разве можно было позволить этим мерзавцам сбить вас с толку? Вот и пришлось...

– Но почему они решили, что виноваты вы, Майндс?

– Потому, видите ли, что я слишком молод.

– Сколько вам лет?

– Двадцать два года.

Лакки, который был лишь немногим старше, удивленно хмыкнул.

– Ну, а какова другая причина?

– Мне хотелось, чтобы вы почувствовали Меркурий и прониклись тем, как... – тут Майндс внезапно смолк.

Лакки, высокий и стройный, стоял на неприветливой поверхности Меркурия и, отражая металлом скафандра молочный свет короны, – ждал.

– Ну, хорошо, – заговорил он наконец. – Допустим, я верю, что вы не виноваты в неудачах с Проектом. А кто – виноват?

В ответ – лишь неясное бормотанье, сквозь которое можно было различить – «не знаю» и «во всяком случае».

– Не могли бы вы изъясняться более традиционно? – вежливо поинтересовался Лакки.

– Поверьте мне! – В голосе Майндса слышалось неподдельное отчаянье. – Я все тщательнейшим образом расследовал! Я думал над этим даже во сне! Следил за всеми! Анализировал и сопоставлял! Фиксировал время, когда происходили аварии, рвался кабель или уничтожались записи! И теперь я не сомневаюсь, что никто под Куполом не замешан в этом! Нас там 52 человека. По крайней мере, в шести последних случаях, когда что-то выходило из строя, я мог бы поручиться за каждого. Никого не было вблизи тех несчастных мест!

– Но ведь у аварий должна быть причина! – размышлял Лакки вслух. – Может быть, внутрипланетные толчки? Или воздействие Солнца?

– Духи! – иступленно выкрикнул инженер и резко вскинул руки. – Кроме двух, уже знакомых вам видов, существуют и двуногие духи! Я видел их, но разве кто-то поверит мне? Должен вам сказать, что... скажу вам откровенно... – И речь его стала совершенно бессвязной.

– «Духи»! – Бигмен сочувственно покачал головой. – Не показаться ли вам психиатру?

– И эти мне не верят! – Майндс расхохотался трагически-оперным манером. – Ничего. Заставим поверить. С духами, а заодно и со всеми идиотами будет покончено. Я уничтожу всех! Поголовно!

Вновь последовал зловеший смех, и Майндс с необыкновенным проворством выхватил из кобуры бластер (Бигмен даже моргнуть не успел, не то что помешать инженеру) и, прицелившись прямо в Лакки, нажал на спуск. Пучок энергии бесшумно и невидимо вырвался из ствола.

2. Сумасшедший или нет?

На Земле все кончилось бы плачевно. Но Меркурий не Земля.

От Лакки, конечно же, не ускользнуло постепенное и неукротимое нарастание ярости Майндса. Должно было последовать разрешение, иначе инженера разорвало бы собственными эмоциями. И все же применение оружия было совершенно неожиданным.

Движение руки Майндса к кобуре и все его последующие действия были молниеносными. Однако Лакки успел отпрыгнуть в сторону.

Дело в том, что меркурианская гравитация составляла всего 2/5 гравитации Земли, и тренированные мышцы отбросили непривычно легкое тело весьма далеко. А Майндс, следивший за полетом Лакки, повернулся слишком резко и потерял равновесие. Тем не менее, в нескольких дюймах от Лакки, едва опустившегося на поверхность, в скале уже красовалась аккуратная ямка глубиной в фут. Прежде чем Майндс собрался произвести повторный выстрел, Бигмен с неотразимым изяществом человека, еще не забывшего марсианской гравитации, выбил оружие из его рук.

Инженер упал, истошно при этом крича, затем внезапно затих, то ли потеряв сознание от сильного удара при падении, то ли совершенно израсходовав запас эмоций.

Бигмен исключал оба варианта.

– Наш милый друг прикинулся усопшим! – так оценил он ситуацию и, схватив бластер, направил дуло в ненавистное лицо.

– Не дури! – сердито крикнул Лакки.

Бигмен опешил, а потом возмутился.

– Тебя ж хотели убить!

Если бы покушались на него самого, маленький марсианин, казалось, был бы не так зол... Крайне неохотно, что-то бурча под нос, он подчинился.

Лакки, стоя на коленях, при свете своего фонаря внимательно разглядывал застывшие, искаженные черты лица инженера. Показания манометра говорили о том, что, к счастью, скафандр не разгерметизирован ударом об острые камни. Подхватив Майндса одной рукой за запястья, а другой за лодыжки, Лакки вскинул ношу себе на плечи и пружинисто поднялся.

– Быстро к Куполу! – решительно сказал он и чуть потише добавил: – А заодно – к проблемам, которые, увы, не так просты, как видится нашему шефу.

Все еще насупленный Бигмен молча поспешил за Лакки. Мелкая его трусца облагораживалась гравитацией. Майндса Бигмен все-таки держал на мушке, на всякий случай.

Упомянутым шефом был Гектор Конвей, глава Совета Науки. Когда они оставались наедине, Лакки называл его «дядюшка Гектор», так как именно Конвей вместе с Аугустом Генри стал в свое время опекуном юного Лакки, родители которого были убиты пиратами вблизи Венеры.

Неделю назад Конвей, напустив на себя самый легкомысленный вид, как будто речь шла об очередном отпуске, спросил его:

– А почему бы тебе не отправиться на Меркурий, а?

– Что-то произошло? – насторожился Лакки.

– Да в общем-то, ничего особенного... – Сказав это, Конвей, однако, нахмурился. – Если не считать таковым несколько странные действия некоторых наших мудрецов от политики... Ты ведь знаешь: мы осуществляем один довольно дорогостоящий проект на Меркурии. Он из тех проектов, которые либо не дают ничего, либо переворачивают все. Вещи подобного рода – всегда в значительной мере игра, рискованная азартная игра...

– Есть ли в этой игре что-то такое, чем мне не приходилось заниматься?

– Похоже на то... Понимаешь, сенатор Свенсон обрушился на Проект, представив его типичнейшим примером того, как Совет почем зря просаживает денюжки налогоплательщиков. Тебе, конечно, знаком сей благородный муж... Так вот, этот самый Свенсон яростно настаивает на расследовании. Более того, один из его молодцов поспешил на Меркурий уже несколько месяцев назад.

– Сенатор Свенсон? Все понятно...

Лакки прекрасно знал о тех усилиях, которые прилагал Совет Науки для борьбы с врагом как в пределах, так и вне Солнечной системы. Знал он и о том, что в последние десятилетия усилия стали приносить плоды. Галактическая цивилизация была уже в том почтенном возрасте, когда люди добрались до самых отдаленных звезд Млечного Пути и заселили все пригодные для жизни планеты. Проблемы, которые вставали перед человечеством, ввиду сложности их, мог решить попытаться, во всяком случае, – лишь Совет Науки. К сожалению, в правительстве Земли кое-кто опасался возрастающего влияния Совета, видя в этом угрозу для себя. Иные же виртуозно использовали эти опасения в интересах собственных амбиций. Сенатор Свенсон не только принадлежал к последней группе, но был ее несомненным лидером. Бесконечные нападки на Совет за его «неприкрытое расточительство» – сделали эту фигуру крайне одиозной...

– Кто возглавляет меркурианскую забаву? – спросил Лакки. – Я знаю его?

– Забава, кстати, называется Световым Проектом. А отвечает за него Скотт Майндс, инженер. Парень неглупый, но не из тех, кто создан руководить. И надо же, именно с того момента, как Свенсон облюбовал в качестве очередной мишени Световой Проект, дела там пошли хуже некуда!

– Я готов этим заняться, дядюшка Гектор.

– Спасибо, Лакки. Понимаешь, я уверен, что все аварии не настолько уж серьезны, но Свенсон постарается с их помощью поставить нас в затруднительное положение. Выясни, что именно он замышляет. И пригляди, кстати, за Уртилом, его эмиссаром, весьма способным и опасным малым...

Вот так преподнес дело Гектор Конвей. Небольшое расследование, не более того. И Лакки, посадив корабль на северный полюс Меркурия, настроился на пустячок. А спустя два часа в него уже разряжали бластер.

Что-то за всем этим кроется, подумал Лакки, с Майндсом на плечах приближаясь к Куполу. И куда более серьезное, чем можно было предположить.

Доктор Карл Гардома, выйдя из палаты и взглянув исподлобья на Лакки с Бигменом, стал сосредоточенно вытирать руки мохнатым пластосорбовым полотенцем, которое вскоре, скомканное, исчезло в контейнере. Гардома хмурился, и с его смуглого лица не сходило выражение глубокой озабоченности. Казалось, даже черные, коротко стриженные волосы доктора топорщатся как-то встревоженно.

– Ну? – спросил Лакки.

– Я дал ему успокоительное. – Гардома смотрел куда-то мимо Лакки. – Думаю, он будет в порядке, когда проснется. Возможно, даже не вспомнит о случившемся.

– Доктор, такие приступы уже случались с Майндсом или это – первый?

– Ничего подобного до сих пор не наблюдалось, сэр. Во всяком случае, с момента его прибытия на Меркурий. Не знаю, что предшествовало этому, но последние несколько месяцев инженер Майндс находился в состоянии сильнейшего нервного напряжения.

– Отчего?

– Видите ли, он все время чувствовал себя виновным в том, что происходит с Проектом.

– А как по-вашему, такое чувство имело под собой основания?

– Нет. Безусловно, нет! Но это ему не мешало... Вы же успели убедиться, насколько разладился этот человек. Он буквально вбил себе в голову, что в происходящем все винят только

его! Световой Проект, которым здесь занимаются, принадлежит к разряду работ чрезвычайно важных. Он поглотил и продолжает поглощать уйму денег и сил. На Майндсе лежит тяжелейший груз ответственности за все оборудование, за работу конструкторов, пятеро из которых, между прочим, старше его минимум на десять лет...

– А как получилось, доктор, что столь важный пост занял такой молодой человек?

Гардома улыбнулся, и обнажившиеся в улыбке белые, безупречной формы зубы несколько смягчили мрачность его облика.

– Субэфирная оптика, мистер Старр, совершенно новое направление в науке. И только молодой человек, только что выпорхнувший из школы, кое-что смыслит в ней.

– Такое впечатление, доктор, будто и вы разбираетесь в этом!

– Отнюдь нет... Просто Майндс немножко рассказывал... Мы ведь прибыли сюда на одном корабле, и уже тогда я был поражен, с какой увлеченностью говорил он о Проекте и возможностях, открываемых его осуществлением. Вам, должно быть, известно о них?

– Ничего, ровным счетом ничего.

– Так вот. Здесь мы имеем дело уже с гиперкосмосом – иными словами, той частью пространства, которая находится по ту сторону космоса в традиционном понимании. Законы, которые здесь незыблемы, в гиперкосмосе – отменяются! Скажем, нельзя двигаться со скоростью, превышающей скорость света, – ну нельзя! И до ближайшей звезды нужно тащиться целых четыре года. В гиперкосмосе же – совсем другое дело! Бери и лети хоть... – доктор осекся, а потом спросил с извиняющейся улыбкой: – Вы ведь знаете об этом?

– Конечно. Как, впрочем, и любой, я знаю, что гиперкосмические полеты сделали обычными путешествия к звездам, – сухо отозвался Лакки. – Но при чем тут Световой Проект?

– А вот при чем... – Доктор Гардома поднял вверх указательный палец и принял таинственный вид. – В вакууме обычного космоса свет распространяется, как известно, по прямой, строго по прямой. Изогнуть эту прямую можно только с помощью колоссальных гравитационных усилий. В гиперкосмосе – по-другому. Вы можете делать со световым лучом все, что заблагорассудится! Как будто имеете дело с нитью самой нежной пряжи! Луч можно сфокусировать, рассеять и чуть ли не завязать бантиком! Так, во всяком случае, утверждают создатели гипероптической теории.

– И Скотт Майндс, если я правильно понимаю, находится здесь именно для того, чтобы проверить эту теорию на предмет стройности?

– Совершенно верно.

– А почему был выбран именно Меркурий?

– Потому что во всей Солнечной системе не найти планетной поверхности с такой огромной концентрацией света, причем на громадной площади. И результаты, которые ожидает инженер Майндс, гораздо проще получить здесь, чем, скажем, на Земле, где, при весьма сомнительном эффекте, все обошлось бы куда дороже.

– Но пока что мы имеем только аварии...

– Которые кто-то подстраивает! – гневно подхватил Гардома. – И с которыми нужно немедленно покончить! Вы понимаете, что для нас всех значит этот Проект? Земля не будет рабыней Солнца! Космические станции станут перехватывать солнечный свет и, пропустив через гиперкосмос, равномерно распределять по всей планете! – Гардома, подхваченный мечтами, уносился все дальше. – Исчезнет зной пустынь и забудется полярная стужа! По нашему усмотрению будет реорганизована смена времен года! Мы будем управлять погодой! Иметь солнечный свет в любом удобном нам месте и ночь той продолжительности, которую захочется мизинцу нашей ноги! Земля превратится в рай с кондиционированным воздухом!

– Но, по-моему, до этого еще далеко?

– Да, вы правы. – Доктор с неохотой вернулся в реальность. – Понадобится много-много времени... Сэр, я, конечно, могу ошибиться, но мне кажется, что вы тот самый Дэвид Старр, которому удалось распутать историю с отравлением пищи на Марсе!

Лакки, для которого такой поворот в разговоре был довольно неожиданным, а также и не очень приятным, нахмурился.

– Почему вы так решили?

– Дело в том, что я все-таки врач. И как врача меня в свое время заинтересовала такая странная эпидемия – ведь это поначалу считалось эпидемией! Потом уже, в слухах, которые, как им положено, ходили и которым я жадно внимал, стало часто встречаться имя одного юного члена Совета, сыгравшего главную роль в разгадке тайны...

– Хорошо. Пусть будет так. – Лакки досадливо поморщился. Это уже второе за день узнавание никак не входило в его планы.

– Ну, а если так, – радостно продолжил Гардома, – если вы тот самый Старр, то, хочу надеяться, недолго нам терпеть! Я имею в виду так называемые аварии, чтоб их...

Лакки, не удостоив доктора ответом, холодно осведомился:

– Могу я узнать, сэр, когда Скотт Майндс будет в состоянии разговаривать со мной?

– Не ранее чем через 12 часов! – испуганно отчеканил Гардома.

– Надеюсь, он будет в здравом уме?

– Вне всяких сомнений!

– Ты уверен, Гардома? – бесцеремонно вмешался чей-то гортанный баритон. – Наверное, оттого, что славный парнишка Майндс всегда в свое уме, да?

Доктор обернулся на голос, и на лице его обозначилась сильнейшая неприязнь.

– Что вы здесь делаете, Уртил?

– Держу открытыми глаза и уши, хотя некоторым это и не нравится! – развязно ответил вошедший.

Лакки и Бигмен с интересом разглядывали незнакомца. Это был среднего роста мужчина, широкоплечий и мускулистый, с небритым самодовольным лицом.

– Меня не интересует, что вы там проделываете со своими ушами! Но извольте заниматься этим вне моего кабинета! – Гардома подыскал, наконец, разящие слова.

– Почему-у? – гримасничая, протянул Уртил. – Вы же доктор! А пациенты имеют право входить сюда! Я заболел, может быть!

– На что жалуетесь?

– Да подожди ты. Сначала разберемся с этими двумя. Они-то на что жалуются? На гормональную недостаточность, верно? – И его ленивый взгляд остановился на Бигмене Джонсе.

Тут возникла звенящая пауза, и Бигмен сначала побледнел, а потом стал весь как-то странно разбухать. Увеличившись в объеме до опасного предела, он очень осторожно поднялся со своего места. Глаза марсианина были широко раскрыты, а губы шевелились, тихо и без конца повторяя: «Гормональная недостаточность». Казалось, он вполне верит, что можно было произвести такое.

Атакующая кобра выглядела бы в этот момент старой черепахой в сравнении с Бигменом, чьи 5 футов и 2 дюйма мышц, туго свитых в упругий хлыст, метнулись к расплывшемуся в ухмылке наглецу.

Но Лакки двигался еще быстрее. Крепко ухватив Бигмена за плечи, он тихо произнес:

– Спокойно, дружище, спокойно...

– Но ты же слышал, Лакки! Ты же слышал!

Маленький марсианин вырывался изо всех сил.

– Не время, Бигмен... – успокаивал его Лакки, не разжимая объятий. – Не время, пойми...

Смех Уртила был резким и отрывистым, как лай.

– Ну отпусти его, парень! Я не прочь одним пальцем размазать малыша по полу!
Бигмен отчаянно выли и извивался в тисках Лакки.

– Если скажете еще хоть словечко, Уртил, – Лакки с трудом сдерживал гнев, – ваша жизнь осложнится настолько, что даже друг-сенатор будет не в силах вам помочь! – Глаза его, пока он говорил, стали ледяными, а голос металлическим.

На мгновение взгляды двоих схлестнулись, и, проиграв эту схватку, Уртил что-то промямлил о неудачной шутке. Тяжелое дыхание Бигмена кое-как успокоилось, и, когда Лакки выпустил его, марсианин занял свое место, вздрагивая от остатков ярости.

Доктор Гардома, который, втянув голову в плечи, безмолвно наблюдал всю сцену, с удивлением спросил:

– Как, вы знаете Уртила, мистер Старр?

– О да. Слава о Джонатане Уртиле, уполномоченном сенатора Свенсона, дошла до меня. Не могла не дойти.

– Уполномоченный? – пробормотал доктор. – Что ж, пусть будет так...

– И я о вас слышал, дражайший! – сказал, как изрыгнул, Уртил. – Дэвид Старр, или Лакки, как вы себя величаете! Вундеркинд из Совета Науки! Теперь перечисляю... Дело об отравлении, история с астероидными пиратами, венерианская телепатия... Знакомо?

– Немного, – равнодушно отозвался Лакки.

Уртил торжествующе хохотнул.

– Да, архив сенатора содержит много интересного о Совете! А в моей голове, – добавил он с внезапной доверительностью, – есть кое-что о творящемся здесь. Прелюбопытнейшие вещи! Взять хотя бы сегодняшнее покушение... Кстати, я пришел сюда не просто так. Меня привела забота о ближнем.

– Забота?

– Она. И вот доказательство. Я должен, я просто обязан предостеречь вас от опасности! Наверное, наш милый доктор уже вкручивал тут о том, какой замечательный малый Майндс. И о кратковременной вспышке, вызванной невыносимым напряжением. Видите ли, они у нас большие друзья, Гардома и Майндс...

– Я всего лишь сказал, что... – начал было доктор.

– Дай мне закончить! – рявкнул Уртил и вновь повернулся к Лакки. – Понимаете, Скотта Майндса по безвредности можно уподобить двухтонному астероиду, который несется прямо на ваш корабль. Этот парень вовсе не был сумасшедшим, когда вы танцевали под аккомпанемент его бластера. Он прекрасно понимал, что делает. Вас хладнокровно пытались убить, Старр, и попытаются еще. Будьте уверены и спокойны: Майндс вскоре предпримет новую попытку – я готов поспорить на... да хотя бы на сапоги вашего друга.

3. Смерть поджидает в комнате

Тишина, наступившая после слов Уртила, всем, кроме него самого, показалась гнетущей. Затем Лакки спросил:

– Но почему? Ведь должна же быть какая-то причина!

– Причина – уважительная, – Уртил говорил совсем тихо, наслаждаясь общим вниманием. – Страх. Майндс попросту не справляется со своей работой, не тянет. А за денежки – за миллионы, которые с традиционной щедростью отвалил ему Совет Науки, – за них ведь нужно будет отчитываться, хотя бы чуть-чуть. Делается это очень просто: по возвращении на Землю громко кричится о несносном Меркурии, от которого одни напасти, и жалобно шмыгается носом. Совет растроган, а когда он растроган – из него сыплются деньги на новую, еще более идиотскую программу... И вот появились вы, и возникла угроза лишиться всех милых сердцу утех. Ведь Совет теперь узнает истинное положение вещей! Как только оно станет известно вам.

– А вам оно уже известно?

– Представьте себе.

– В таком случае, вы тоже представляете опасность для Майндса! Отчего же он не попытался избавиться от вас?

Мясистое лицо Уртила до неузнаваемости деформировалось широчайшей самодовольной улыбкой.

– А кто вам сказал, что он не пытался? *Ещекак!* Но годы работы на сенатора кое-чему меня научили. Во всяком случае, постоять за себя – могу.

– Вы врете, Уртил! – крикнул доктор и побледнел как полотно. – Скотт Майндс никогда и никого не пытался убить! По крайней мере, до сегодняшнего дня! И вы это прекрасно знаете!

Уртил даже бровью не повел. Он продолжал ласково наставлять Лакки.

– А-а, чуть не забыл... Не спускайте глаз с нашего эскулапа. Тоже милейший человек. Они с Майндсом – не разлей вода. Так что, сами понимаете... На вашем месте я не лечился бы у него даже от головной боли. От его пилюли можно... – И Уртил многозначительно посмотрел вверх.

Доктор Гардома, едва не плача, в несколько приемов выдавил из себя:

– Когда-нибудь!.. кто-то!.. убьет вас!.. вас убьет!.. за ваши!.. убьет за ваши!..

– Неужели? – радостно воскликнул Уртил. – И вы думаете это сделать один?

Направившись было к выходу, он внезапно остановился и через плечо бросил Лакки:

– Да, совсем забыл. Вас жаждет лицезреть старая развалина Пивирейл. Он очень расстроен тем, что не было никакой официальной встречи. Поспешите к нему и успокойте, если старик еще не застрелился... И еще, Старр. Не забывайте осматривать свои скафандры. Бывают, знаете ли, досадные дефекты. Надеюсь, понимаете, о чем речь? – И не дожидаясь ответа, Уртил удалился.

Прошло довольно много времени, прежде чем Гардома заговорил.

– Никогда не упустит случая потрепать нервы, никогда... Подлый лгун...

– Этот парень несомненно хитер, – задумчиво произнес Лакки. – Неплохой способ нападения – говорить то, что больней всего задевает собеседника. Разгневанный противник – вдвое слабее... Это, между прочим касается и тебя, Бигмен! Ведь ты бросаешься на всякого, кто осмелится говорить о твоём росте.

– Но Лакки! – пронзительно возопил марсианин – Он обозвал меня гормонально-дефективным!

– А ты найди более достойный способ доказать обратное!

Бигмен что-то проворчал в ответ и, насупившись, принялся колотить своим маленьким кулачком по упругому пластику ярко-красных высоких сапог (такие носят исключительно марсианские парни, те, что работают на фермах. У Бигмена была дюжина подобных сапог, одна пара ослепительней другой).

– Хватит дуться! – Лакки обнял его за плечи. – Давай-ка лучше навестим Пивирейла. Первое лицо здесь как-никак...

– Да-да! – поддержал его доктор. – Все, что находится под Куполом, это его хозяйство. Конечно, Пивирейл уже не юн, и у него нет тех связей, которые были когда-то. Между прочим, как почти все мы, он люто ненавидит Уртила. Ненавидеть-то ненавидит, однако предпринять что-либо не в силах. Тягаться с сенатором Свенсоном занятие, как известно, не из перспективных. Кстати, как на этот счет у Совета Науки?

– Полагаю, что небезнадёжно... Доктор! – Лакки решительно оставил бесплодную тему. – Не забудьте о том, что я обязательно должен увидеться с Майндсом, как только он проснется!

– Да, я сразу сообщу вам. Будьте осторожны сэр!

– Быть осторожным? – удивился Лакки. – Что вы этим хотите сказать?

Гардома смутился.

– Ничего. Это у меня такая присказка, знаете ли.

– Тогда понятно. – И, простившись с доктором Лакки вышел. За ним, насупившись, поспешил Бигмен.

Крепкое и энергичное рукопожатие Ланса Пивирейла, человека весьма почтенных лет, удивило их. В темных глазах, которые казались еще темнее под буйными зарослями седых бровей, читалось явное беспокойство. Копна густых волос делала его похожим на льва. Пожалуй, только морщины на острых скулах и шее выдавали его преклонный возраст.

Пивирейл заговорил тихо и не спеша.

– Сожалею, джентльмены, о весьма неприятном инциденте, имевшем место сегодня. Я мог и должен был предотвратить его!

– Не нужно винить себя, сэр, – возразил Лакки.

– Если бы я встретил вас сам – ничего подобного не случилось бы! Но проблемы, которые нас тут опутали, совершенно вытеснили из моей головы правила хорошего тона!

– Вы прощены, и забудем об этом, – улыбнулся Лакки и посмотрел на Бигмена, который с открытым ртом внимал величественному потоку слов старого джентльмена.

– Я не заслуживаю прощения! – с пафосом продолжал астроном. – Но в вашей попытке простить меня усматриваю несомненное и редкое великодушие! И считаю возможным перейти к следующей теме! Ваше жилище!

Он подхватил Лакки с Бигменом под руки и увлек в глубь узких, но ярко освещенных коридоров Купола.

– У нас очень, очень тесно! – восторженно сетовал Пивирейл. – Все переполнено и забито! Особенно с тех пор, как здесь появился Майндс со своими инженерами, а потом еще, – тут астроном замялся, – и другие. И все же, смею надеяться, ваше жилище – не из худших! Да, если возникнет желание перекусить – в любой момент вам доставят пищу. Отдохните, выспитесь хорошенько, – а завтра у вас будет предостаточно времени, чтобы встретиться со всеми, да и мы, хотя бы в общих чертах, узнаем о целях вашего визита. Лично меня вполне удовлетворяет то, что вашим поручителем является Совет Науки... Да! У нас тут имеет место быть что-то вроде банкета в вашу честь!

– Благодарю, вы очень любезны, сэр, – не сразу и рассеянно ответил Лакки. – Надеюсь, у меня также будет возможность осмотреть обсерваторию?

Казалось, этот вопрос окончательно осчастливил Пивирейла.

– О да! В любой момент! Вы не пожалеете о времени, потраченном на осмотр! И увидите удивительные вещи! Наше основное оборудование размещено на подвижной платформе,

которая передвигается вместе с терминатором! Это позволяет никогда не терять нужную вам часть Солнца!

– Просто превосходно, мистер Пивирейл! – в тон воскликнул Лакки. – И еще один вопрос. Что вы думаете о Майндсе? Очень прошу вас ответить без обиняков.

Пивирейл неожиданно помрачнел.

– Вы, как я понимаю, субвременной инженер?

– Да не то чтобы... Однако я спросил о Майндсе.

– Да, извините. Ну-у, это довольно приятный, я бы сказал, молодой человек. Компетентный, смею утверждать... но нервный, страшно нервный! Обидеть его очень, даже очень легко... И проявилось это не сразу, а спустя какое-то время, когда реальность вступила в противоречие с его планами... Он, увы, не был подготовлен к такому обороту... А во всех других отношениях это исключительно милый молодой человек. Формально являясь его начальником здесь, внутри Купола, я, тем не менее, никогда не вмешиваюсь в дела мистера Майндса, не связанные с работой в обсерватории.

– А ваше мнение о Джонатане Уртиле?

Пивирейл остановился как вкопанный.

– Что о нем? В каком плане он вас интересует?

– В общем. Как он вам?

– Мне не хотелось бы говорить об этом человеке, последовал неожиданный ответ.

Некоторое время шли молча. Лицо астронома оставалось мрачным.

– Мистер Пивирейл! – решил наконец заговорить Лакки. Есть ли здесь еще кто-то посторонний, условно говоря? Кроме Майндса с его людьми и Уртила.

– Гардома, доктор Гардома, конечно.

– Разве вы не считаете его своим?

– Но ведь он же врач, а не астроном! Без него, конечно, не обойтись, и он за короткий период пребывания здесь успел показать себя с самой лучшей стороны, но...

– За короткий период, вы сказали?

– Да, он совсем недавно сменил своего предшественника, отработавшего положенный год. Кстати, прилетел Гардома на одном корабле с группой Майндса.

– Врачи работают у вас только один год?

– Не только они. Приходится постоянно обучать новых людей и, едва они освоятся – прощаться с ними. Что делать! Меркурианские условия далеко не курортные, и люди не должны находиться здесь подолгу.

– Не могли бы вы вспомнить, сэр, сколько новых людей прибыло на Меркурий в течение последних шести месяцев?

– Около двадцати. Точные цифры вы найдете в журнале, но около двадцати.

– А сами вы здесь достаточно долго, сэр?

Астроном усмехнулся.

– Да уж! Страшно подумать! Мой заместитель Кук тоже работает здесь уже седьмой год. Разумеется, мы часто берем отпуск и... Ваше жилище, джентльмены! Если возникнут какие-то желания или проблемы – не стесняйтесь, обращайтесь ко мне.

Их комната оказалась довольно маленькой, но в ней были две койки, которые можно было убрать в стенную нишу, два дивных кресла с тем же механизмом исчезновения и самый настоящий письменный стол со стулом. За перегородкой обнаружилась ванная и туалет.

– Ну-у! – одобрительно протянул Бигмен. – Вроде бы лучше, чем на корабле, а?

– Да, брат, недурно, – согласился Лакки, – кажется, нам дали одну из лучших комнат.

– Естественно! Думаю, он знает, кто ты у нас такой!

– Вряд ли, – мотнул головой Лакки. – Ведь он предположил, что я субвременной инженер... Нет, старику известно лишь то, что меня прислал Совет.

– Да тут все тебя знают! – возразил Бигмен.

– Не все, а только Майндс, Гардома и Уртил... Послушай, Бигмен, а почему бы тебе не принять душ? Я бы тем временем распорядился насчет еды и багажа с «Метеора».

– Не возражаю! – радостно закричал марсианин.

В ванной Бигмен громко запел. Вода здесь, как и в других безводных местах, была строго нормирована, и табличка на стене с напоминанием о том, какое количество драгоценной жидкости позволительно использовать, была привычной. Бигмен, как истинный марсианин, испытывал к воде необыкновенно почтительные чувства. Во всяком случае, просто так плескаться ему и в голову не приходило никогда. И вся процедура, исключая стремительный финал, состояла из бесконечного намыливания, пускания пузырей и ликующего пения.

Встав перед сушилкой и направив на себя мощную струю теплого воздуха, Бигмен зажмурился от удовольствия.

– Эй, Лакки! Стол уже накрыт? Я голоден!

Из комнаты донесся голос Лакки, однако слов нельзя было разобрать.

– Ну Лакки же! – шутиливо возмутился Бигмен и вышел из ванной.

На столе стояли две тарелки с соблазнительно дымящимся ростбифом с овощами (хотя все это была сплошная имитация, поскольку выращено на субморских плантациях Венеры).

Лакки, не обращая никакого внимания на своего друга, присев на краешек койки, разговаривал с Пивирейлом, который сосредоточенно моргал на экране переговорного устройства.

– Выходит, о том, в какую именно комнату мы въедем, знали решительно все! – спросил Лакки.

– Соответствующее распоряжение было отдано мною по общему каналу, и, естественно, его мог слышать каждый. Кроме того, у нас не так уж много комнат, зарезервированных на особый случай. Их местонахождение известно всем.

– Понятно. Благодарю вас, сэр.

– А что, собственно, произошло, Старр?

– Да так, ничего особенного. Извините, что потревожил вас... – Вежливо улынувшись, Лакки прервал связь и молча уставился в погасший экран.

– Ничего особенного, говоришь? – грозно выкрикнул Бигмен и подбоченился. – Так-таки и ничего? А ну-ка, выкладывай!

– А-а, кое-что произошло, ты прав. Я тут разглядывал наше снаряжение, в том числе и скафандры... А скафандры эти не простые. Они снабжены особым изоляционным слоем – для выхода на солнечную сторону, вероятно.

Бигмен снял один из скафандров, которые висели в нише. Тот оказался на удивление легким для своих внушительных размеров. Марсианин досадливо крикнул. Ну вот, снова все придется подгонять, и даже не по своему росту, потому как эта регулировочная дребедень не рассчитана на него, видите ли. Вот что значит быть недостаточно высоким...

– Ну, раздолье, Лакки! И койка тебе! И ванная! И яства, понимаешь! И скафандры!

– И смерть... – продолжил Лакки без тени улыбки. – О ней позаботились тоже. Вот, взгляни-ка...

Он поднял рукав большего скафандра. У самого плеча, чуть ниже шарнирного соединения, видна была крохотная царапина. Когда пальцы Лакки дотронулись до нее и слегка надавили – царапина углубилась.

Это был настоящий разрез!

– С внутренней стороны – такая же прелесть... – Лакки отпустил рукав. – Все рассчитано таким образом, чтобы я успел добраться до солнечной стороны, а там...

4. За банкетным столом

– Уртил! – сразу закричал Бигмен и напрягся всем своим маленьким телом. – Ну и подлая же тварь!

– Уртил? – Лицо Лакки выражало недоумение. – Почему он?

– Ха! Ты забыл, с какой настойчивостью этот хитрец советовал нам проверять скафандры, а?

– Нет, не забыл. Оттого и проверил.

– Ты проверил его работу! Неплохо придумано, неплохо... Мы, значит, обнаруживаем разрез и – ах, Уртил! Ах, спаситель! После чего не можем смотреть на него без слез умиления... А потом мерзавец избавляется от нас любым из двухсот ему известных способов, совершенно без труда. Ой, Лакки, не клюнь на это! Он...

– Подожди. Не нужно делать поспешных выводов... Итак, Уртил сказал, что Майндс пытался убить его. Что ж, проверим. И предположим, что его скафандр был продырявлен таким же образом, как мой. Уртил обнаруживает дефект и предупреждает нас о наличии этого трюка в репертуаре, как он полагает, Майндса.

– Черта с два это сделал Майндс! Ему ввели чуть ли не ведро снотворного, а до того он ни на минуту не оставлял нас!

– Хорошо. А откуда мы знаем, что Майндс спит и что он получил снадобье?

– Так ведь Гардома... – Тут Бигмен осекся.

– Вот видишь? Со слов доктора Гардомы! А он – большой друг Майндса!

– Значит, они заодно! – незамедлительно выпалил марсианин. – И нечего тут думать!

– Да что же это такое! Только я попытаюсь привести свои мысли в порядок – и ты тут как тут со своими озарениями! А потом еще удивляешься отчего это я не делюсь с тобой!

– Извини, Лакки. – Бигмен смущенно прикусил губу. – Продолжай, пожалуйста.

– Так вот... – Лакки снова принялся рассуждать вслух. – Уртила заподозрить – проще всего. Никто его не любит, даже Пивирейл... Вспомни его реакцию на одно только упоминание имени Уртила! Ты, кстати, тоже ведь невзлюбил этого парня, и причем стойко?

– Еще бы, – буркнул Бигмен.

– И мне он, откровенно говоря, не понравился. А что если человек, повредивший скафандр, учел такое замечательное свойство Уртила – вызывать неприязнь к себе? И понимает, на кого будут вешать всех собак?

– Ну! – Бигмен явно недоумевал.

– С другой стороны, Майндс, который уже пытался честно шлепнуть меня из своего бластера, вряд ли способен на такую филигранную работу – не в характере... Что касается доктора Гардомы, то он совсем не похож на человека, который согласен участвовать в убийстве – лишь бы не огорчать друга.

– Так что же решим? – Бигмен, казалось, вот-вот загорится от нетерпения.

– Что? А вот что... Пора спать! – И Лакки направился в ванную.

Бигмен, разочарованно глядя ему вслед, пожал плечами.

На следующее утро, когда они зашли к Скотту Майндсу, тот, бледный и измученный, сидел на койке.

– Привет, – печально выдохнул он. – Я уже знаю о случившемся, Гардома рассказал... Я глубоко сожалею, поверьте...

– Как вы себя чувствуете? – По тону вопроса было ясно, что Лакки не растаял.

– Как любой другой выжатый лимон, – Майндс страдальчески усмехнулся. – Но тут, – указательный палец постучал по лбу, – все в порядке. И я смогу присутствовать на сегодняшнем обеде, который старина Пивирейл дает в вашу честь.

– Будет ли это благоразумно?

– Во всяком случае, Уртил поостережется слишком вдохновенно разглагольствовать о сумасшедшем Майндсе! – Гнев мгновенно окрасил лицо инженера. – Да и Пивирейл попридержит свой язык.

– Разве мистер Пивирейл сомневается в вашей вменяемости?

– Видите ли, Старр... С того момента, когда начались эти странные аварии, я – на небольшом скутере – облетаю солнечную сторону. Ведь это мой Проект, и мне небезразлична его судьба! Так вот. Пару раз мне приходилось видеть... – Майндс остановился, не решаясь продолжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.